

Н. Дюнькин, А. Новиков

Агафья Матвеевна

Агафья Матвеевна была одним из людей, сильнее всех любивших Обломова, и в то же время, сама того не зная, своей любовью она сгубила его. Тихая, застенчивая, она и не сознавала силы своей любви к Обломову во время его жизни и только после его смерти почувствовала, что она потеряла в нем; автор дает нам прекрасное описание ее скорби, анализ ее душевного состояния:

Вот она в темном платье, в черном шерстяном платке на шее, ходит из комнаты в кухню, как тень, по-прежнему отворяет и затворяет шкафы, шьет, гладит кружева, но тихо, без энергии, говорит, как будто нехотя, тихим голосом и не по-прежнему смотрит вокруг беспечно перебегающими с предмета на предмет глазами, а с сосредоточенным выражением, с затаившимися внутренним смыслом в глазах. Мысль эта села невидимо на ее лицо, кажется, в то мгновение, когда она сознательно и долго вглядывалась в мертвое лицо своего мужа, и с тех пор не покидала ее.

Она двигалась по дому, делала руками все, что нужно, но мысль ее не участвовала тут. Над трупом мужа, с потерей его, она, кажется, вдруг уразумела свою жизнь и задумалась над ее значением, и эта задумчивость легла навсегда тенью на ее лицо. Выплавав потом живое горе, она сосредоточилась на сознании о потере: все прочее умерло для нее, кроме маленького Андрюши. Только когда видела она его, в ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостным светом и потом заливались слезами воспоминаний.

Она была чужда всего окружающего: рассердится ли братец за напрасно истраченный или невыторгованный рубль, за подгорелое жаркое, за несвежую рыбу, надуется ли невестка за мягко накрахмаленные юбки, за некрепкий и холодный чай, нагрубит ли толстая кухарка, Агафья Матвеевна не замечает ничего, как будто не о ней речь, не слышит даже язвительного шепота: “Барыня, помещица!” Она на все отвечает достоинством своей скорби и покорным молчанием. Напротив, в светлый день, в веселые вечера масленицы, когда все ликует, поет, ест и пьет в доме, она вдруг, среди общего веселья, зальется горькими слезами и спрячется в свой угол. Потом опять сосредоточится и иногда даже смотрит на братца и на жену его как будто с гордостью, с сожалением.

Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять, что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но навсегда осмыслилась и жизнь ее; теперь уже она знала, зачем она жила и что жила не напрасно.

Она так полно и так много любила: любила Обломова — как любовника, как мужа и как барина; только рассказать никогда этого, как прежде, не могла никому. Да никто и не понял бы ее вокруг. Где бы она нашла язык? В лексиконе братца, Тарантьева, невестки не было таких слов, потому что не было понятия; только Илья Ильич понял бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умела... На всю жизнь ее разлились лучи, тихий свет от пролетевших, как одно мгновение, семи лет, и нечего ей было ждать больше, некуда идти.

Это место романа принадлежит к наиболее сильным по художественной глубине и по силе психологического анализа.